
МИРОВОЙ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС: ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

М.А. Игнацкая, Н.А. Куликовская, Г.А. Куликовская

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Любой современный кризис, приобретающий глобальный характер, начинается именно в валютно-финансовой сфере, и при этом она является наиболее регулируемой, начиная с локального национального уровня и заканчивая наднациональными регулирующими механизмами (уровня МВФ). Встает закономерный вопрос о качестве подобного регулирования и перспективах создания принципиально нового инструментария и механизмов регулирования, в том числе наднационального уровня.

Ключевые слова: мировая валютно-финансовая система, МВФ, G20, мировые валюты, новая экономика, виртуальная экономика.

Мировой финансово-экономический кризис, который продолжается с разной степенью глубины и остроты во всем мире, высветил многие проблемы развития современной глобальной экономики информационной эпохи, включая базисные механизмы ее функционирования. В этой связи целесообразно остановиться на некоторых основополагающих характеристиках его социально-экономической природы, исторических закономерностях генезиса, сущностных аспектах механизма функционирования, а также возможных сценариях дальнейшей реструктуризации системы международных финансово-экономических отношений. Таким образом, будут освещены некоторые важнейшие, на наш взгляд, аспекты этой без преувеличения самой обсуждаемой проблематики современности.

Говоря о глубинных механизмах образования финансово-экономического кризиса, уместно начать с фундаментального глобального противоречия информационной эпохи. Его суть выражается в способе и характере взаимодействия так называемых новых (быстрых, по А. Тоффлеру) и традиционных (медленных) экономик. Новые экономики представлены безусловными лидерами эпохи информационной революции, первую десятку которых стабильно возглавляют США. Новых экономик абсолютное меньшинство (полтора-два десятка из 182 стран современного мирового сообщества), но именно они удачно вписались в реалии новейшего международного разделения труда (МРТ) и всемирной специализации. Во многом это произошло благодаря массивным капиталовложениям в материально-техническую базу новой экономики, в человеческий (интеллектуальный) капитал — первый и наиболее ограниченный стратегический ресурс информационной эпохи, которая требует максимизации «золотых воротничков», массового внедрения hi-tech, реализации модели ресурсосбережения. Тип традиционного (медленного) хозяйствования, присущий подавляющему большинству стран, не вписывается в заданные информационной эпохой параметры и закономерно представляет

собой феномен, названный в свое время П. Дракером отключенными экономиками. В современных условиях на рубеже XX—XXI веков углубление фундаментального глобального противоречия обусловило трансформацию вышеуказанной категории стран в *finished economies*. Последний термин объективно характеризует динамику фундаментального противоречия информационной эпохи и уровень его нерешенности, который повышается год от года. В этом находит свое выражение неравномерность социально-экономической динамики и ее специфика информационной эпохи, выразившаяся в том числе в растущей поляризации сил в мировом экономическом сообществе, когда переход к быстрому типу роста возможен только с очень высокого уровня развития социально-экономической структуры, в которой доминирует третичный сектор.

Через призму фундаментального глобального противоречия информационной эпохи становится очевидным, что решения по преодолению финансово-экономических проблем и противоречий, закономерно возникающих, периодически обостряющихся и ведущих к острым системным кризисам в рамках мирового сообщества, принимаются в «центрах» (формат G-20) и отражают в первую очередь интересы (экономические, политические, социальные и пр.) стран с новой экономикой. Большинство же «неновых» экономик (не говоря уже о категории *finished economies*) с последствиями мирового финансово-экономического кризиса будут сталкиваться многие годы, особенно в социальной сфере (при растущей нехватке финансовых ресурсов на государственные и социальные программы). В свое время группа международных экспертов МВФ была абсолютно права, включив в базовые критерии развитости информационной эпохи (1997 г.) устойчивость финансовых рынков и их институциональных структур.

О насущной необходимости изменения контуров мировой валютно-финансовой системы в целях обеспечения стабильного, предсказуемого и устойчивого хозяйственного развития международные эксперты говорили задолго до наступления современного кризиса [1]. Длительность, многослойность и внутреннюю противоречивость процесса реформирования можно оценить по уже имеющемуся историческому прецеденту, а именно по скорости вызревания и формирования де-юре (но уже не де-факто) действующей Ямайской валютно-финансовой системы, пришедшей на смену прежней Бреттон-Вудской, просуществовавшей де-юре с 1944 г. по 1971 г. (де-факто — с 1946 г. до второй половины 1960-х гг.). Контур Ямайской валютно-финансовой конфигурации определились к 1976 г., когда и были подписаны соответствующие соглашения, начавшие действовать с 1978 г. (т.е. два года у мирового сообщества ушло на формирование соответствующих институциональных механизмов). Стоит ли говорить, что в современных условиях есть все предпосылки к усложнению и затягиванию кризисных процессов (исходя хотя бы из временного фактора — начало текущего кризиса официально относится к 2008 г., хотя Ямайские соглашения перестали соблюдаться задолго до этого).

Контур конфигурации будущей мировой валютно-финансовой системы формируются в последнее десятилетие под воздействием роста неустойчивости мировых финансовых рынков и существенных сдвигов в расстановке сил между

традиционно ведущими центрами экономической силы, прежде всего США и ЕС (евро сможет конкурировать с долларом на международном рынке только при дальнейшем укреплении экономических позиций объединенной Европы), а также Японией и КНР. При этом международная система приобрела качественно новые характеристики, а именно произошел отрыв курсообразования от мировых товаропотоков (т.е. возникла ситуация, при которой курсы валют перестали формироваться в мировой торговле и существуют сами по себе). Еще одной ее существенной характеристикой стало абсолютное доминирование доллара США, который обслуживал в докризисные времена до 50% всех валютно-обменных операций, совершаемых в мире. Подобные характеристики, не имевшие аналогов в прошлом, обусловили такой расклад сил, который имел важные последствия (большой рынок долларов, евро и множество маленьких рынков). Маленькие рынки снижают ликвидность и увеличивают волатильность курсов котирующихся на них валют. Возмущения на них возникают быстрее и держатся дольше, чем на больших рынках. А большой валютный рынок способствует уменьшению волатильности курсов, что позволяет банкам иметь узкий спред, выдвигающий валюту в число наиболее востребованных на международных рынках и делающий ее валютой-посредником. Чем больше она выступает как валюта-посредник, тем выше на нее спрос, а это ведет к еще большему сокращению спреда. Подобного механизма нет у валют, которые широко не используются (спред по ним и волатильность на их рынках всегда больше). Это значит, что современное состояние валютно-финансовых международных отношений характеризуется сосуществованием двух неравноправных категорий разных по качеству валют. Сложившаяся ситуация, однако, не является неизменной, поскольку спреды начинают подтягиваться к минимальным значениям. Подобная тенденция крайне важна, поскольку способна привести к кардинальным изменениям в механизмах международной валютно-финансовой системы — рынки евро становятся по ликвидности сравнимыми с рынками доллара. Кроме того, XXI в. принес увеличение амплитуды и частоты колебаний на международных рынках, связанное с либерализацией движения капиталов, внедрением новых информационных технологий, отрывом обменных курсов валют от цен на товары [2].

Вышеперечисленные факторы своим кумулятивным действием ведут к росту изменчивости международной валютно-финансовой системы. Таким образом, мы приходим к выводу об объективной обусловленности кризисного состояния международной валютно-финансовой системы. Возникает парадокс: любой современный кризис, приобретающий глобальный характер, начинается именно в валютно-финансовой сфере, и при этом она является наиболее регулируемой, начиная с локального национального уровня и заканчивая наднациональными регулирующими механизмами (уровня МВФ).

Таким образом встает закономерный вопрос о качестве подобного регулирования и о перспективах создания принципиально нового инструментария и механизмов регулирования, в том числе и особенно наднационального уровня. На наш взгляд, основополагающее (ключевое и системообразующее) противоречие, объ-

ективно обусловливающее текущее положение дел и делающее нарастающую кризисность валютно-финансовой сферы имманентно присущей современной мировой системе хозяйствования, заключается в первую очередь в самой конструкции мировой валютно-финансовой системы, когда, с одной стороны, основной резервной валютой де-факто многие десятилетия является необеспеченный доллар США, а с другой — «виртуальная» экономика многократно обошла реальную. Это привело к положению дел, при котором рыночная капитализация компаний намеренно завышается или, наоборот, намеренно занижается (на чем делаются миллионные состояния). В этих условиях закономерным становится массовое надувание «мыльных пузырей» спекулятивной игрой на биржах (валютных и фондовых), когда миллионы и миллиарды зарабатываются «из воздуха», без реального товарного обеспечения. Ясно, что рано или поздно подобные «пузыри» лопаются, и чем больше их размеры, тем острее последующий кризис.

Таким образом, современное финансово-экономическое состояние является не чем иным, как закономерным проявлением системообразующих ключевых противоречий, органически присущих рыночному типу хозяйствования и в XXI в.

Итак, проблема нестабильности мировой валютно-финансовой системы вызрела давно и ждет своего разрешения. При этом общих подходов нет и в помине. Появление евро только усилило нестабильность рынка. Соотношение двух главных (пока) мировых валют, доллара и евро, крайне нестабильно и плохо прогнозируемо. Отсюда еще один важный вопрос: как должны регулироваться курсы валют, если традиционные приемы воздействия на эту сферу с помощью макроэкономических показателей оказываются неэффективными, а система плавающих курсов колеблется под воздействием чисто спекулятивных факторов? Нынешние стихийные колебания курсов вошли в противоречие с процессами глобализации мировой экономики. Для стабилизации финансовых рынков требуются новые международные соглашения с новыми подходами к регулированию курсов и с новым типом мировой системы. Если в XX в. были сформированы, а потом распались две мировые системы, Бреттон-Вудская и Ямайская, и каждая из них отражала определенный этап в развитии мировой экономики, то на конфигурацию новой системы влияют серьезные изменения, связанные с процессами интеграции в современном мире, а также интернационализации и глобализации, находящими отражение в валютно-финансовой сфере.

Доминирующая роль отдельных валют напрямую зависит от их экономической базы, экономического потенциала. В этой связи сила доллара основывается как на внутренних ресурсах американской экономики, так и на опережении США своих конкурентов в области научно-технического прогресса (США контролируют до 40% мирового рынка наукоемкой продукции, ЕС — около 30%). Однако такое положение не остается неизменным. В условиях интеграции растет роль объединенной Европы, потенциал которой сопоставим с США. Очевидно, что в новой системе на первых ролях будут две мировые валюты — доллар и евро. Если система останется биполярной, базирующейся на примерном равновесии сил Соединенных Штатов и объединенной Европы, то этим двум мировым цент-

рам придется договариваться между собой. Кроме того, надо принимать во внимание и выраженные тенденции создания региональных валютно-финансовых объединений по крайней мере трех возможных моделей интеграции.

Первой (базовой) выступает модель валютного союза ЕС, предполагающая высокую степень координации финансовой и денежно-кредитной политики, соблюдение странами-участницами установленных параметров в области дефицита государственных бюджетов, инфляции, внешнего долга и др., а также наличие политической воли интегрирующихся государств. Исходя из сложного комплексного подхода, реализовать данную модель интеграции в настоящее время и в ближайшей перспективе другим группам стран за пределами ЕС крайне сложно. Данный вывод можно подтвердить все еще низкой результативностью и эффективностью различных региональных интеграционных объединений, таких как NAFTA, MERCOSUR и т.п.

Вторая модель объединения основывается на соглашениях между центральными банками об оказании взаимной кредитной поддержки в целях стабилизации взаимных расчетов (подобное соглашение заключили между собой центробанки стран ЮВА).

Третья модель — региональные объединения на основе региональных валютно-финансовых институтов. Попытку реализовать третью модель интеграции сделали во время предыдущего мирового финансово-экономического кризиса (1997—1998 гг.) страны ЮВА, убедившись в неэффективности деятельности МВФ. Согласно выраженному ими мнению, региональный валютный фонд был призван мобилизовать дополнительные финансовые ресурсы, особенно в период кризиса, и таким образом оперативно реагировать на проблемы стран региона (реструктуризация национальных экономик, развитие и интеграция национальных рынков капиталов, углубление процесса финансовых реформ). Создание региональных валютно-финансовых институтов способствовало бы координации усилий стран-участниц в области экономики и финансов. Итак, идеи разработки оптимальной модели региональной интеграции существуют, однако трудности на пути ее реализации связаны в том числе и с противопоставлением будущих институтов МВФ, ущемлением полномочий данной организации. На самом деле потребность в подобных региональных структурах давно назрела, и очевидно, что они могли бы реализовать региональный вектор политики МВФ на основе взаимодополнения, а не противопоставления (главное для успешного старта — договориться, в каких правовых рамках будут действовать региональные институты). С учетом сложившихся тенденций к взаимодействию развивающихся стран модель региональных объединений на основе региональных валютно-финансовых институтов выглядит в перспективе наиболее предпочтительной формой интеграции развивающихся стран, поскольку дает возможность решать их проблемы — поддержание стабильности курсов валют, совершенствование валютного регулирования, реформирование и интеграция национальных финансовых рынков.

В свете вышеуказанных моделей развития привлекают внимание идеи появления новых сильных валют, наиболее активно прокладывающих себе дорогу

в ЮВА, где быстро формируются экономические предпосылки для этого (это и темпы экономического роста, и углубляющиеся взаимные связи, и растущий вес в мировой экономике). Неоднократно высказывались предположения о том, что третьей мировой валютой станет юань, хотя иена составляет ему очень сильную конкуренцию. На рубеже XX—XXI вв. обозначилась перспективная идея создания на основе АСЕАН общего рынка и общей валюты в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Был подписан протокол о намерениях, причем активную роль в образовании нового союза играли Япония, КНР, Южная Корея. Через 10 лет (октябрь 2009 г.) обсуждение планов по созданию восточноазиатского сообщества возобновилось (прошедшее десятилетие между этими двумя событиями показывает реальные сложности материализации этих, пусть и весьма востребованных, идей) [3]. Другой «модной» идеей, также отметившей свое десятилетие, стали так называемые континентальные валюты — сначала на территории объединенных штатов Америки (во главе с американским долларом; переговоры велись между центробанками США, Аргентины, Бразилии), а затем — в Южной Америке с перспективой создания центробанка и единой валюты (учредительное соглашение союза наций Южной Америки было подписано лидерами 12 стран во главе с Бразилией) [4].

Хотя подобные идеи порождаются объективными реалиями и тенденциями экономического развития эпохи глобализации, высказывается мнение, что появление на мировой арене трех (и большего числа) крупных международных валют в конечном счете придет в неизбежное противоречие с этим всемирным процессом. Отсюда следует, что мировому сообществу рано или поздно придется искать единое платежное средство (или выработать механизм согласования взаимных интересов). Здесь необходимо учесть весь положительный опыт, накопленный с введением системы СДР (SDR).

Правда, имеется и прямо противоположная позиция: для создания международной валюты отсутствуют всякие предпосылки, а идеи разработки согласованной валютной политики нереализуемы. По мнению этой группы экспертов, мировая валютно-финансовая система была и останется «джунглями», в которых жестко действуют принципы национального эгоизма. Другая часть международного экспертного сообщества полагает, что в условиях формирования би- или многополярной валютной системы в международный оборот может быть введена некая единая и общепризнанная мировая валюта, которая позволит создать универсальный (оптимальный) механизм регулирования международных валютно-финансовых отношений. Большим сторонником именно этой идеи выступает П. Волкер, бывший глава Федеральной резервной системы США, полагающий, что глубинные тенденции развития мировой экономики свидетельствуют о движении именно в этом направлении. Кроме него, идею всемирной валюты активно поддерживает лауреат Нобелевской премии по экономике Р. Манделл, точно предсказавший в начале 1960-х гг. появление евро, а теперь сделавший прогноз, согласно которому в 2010 г. единая мировая валюта должна материализоваться (пока, правда, этот прогноз не подтвердился).

Еще одно громкое заявление в духе того, что современная наднациональная валюта материализовалась, было сделано летом 2009 г. на встрече лидеров «Большой восьмерки». На деле речь шла лишь об обсуждении вариантов создания в будущем нескольких резервных валют, наднациональной денежной единицы (United Future World Currency), а также о необходимости реформирования международных финансовых институтов, поиска эффективных форматов взаимодействия. Так или иначе, а процессы формирования контуров будущей валютной и финансово-экономической системы продолжают. В частности, в сентябре 2009 г. на встрече лидеров «Большой двадцатки» (G20) были приняты серьезные решения. Первым из них стал пересмотр квот МВФ, который составит не менее 5% в пользу развивающихся стран, а Всемирного банка — не менее 3%. В итоговом коммюнике саммита отмечалось, что квоты будут переданы от стран, имеющих избыток по данному показателю, тем странам, которые недостаточно представлены в международных финансовых организациях. При этом страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) настаивали на 7% коррекции в пользу развивающихся экономик, а развитые западные державы (что весьма показательно), в свою очередь, настаивали на минимальном перераспределении в МВФ и Всемирном банке [4]. Кроме того, формат G20 станет постоянно действующим международным институтом по реформированию мировой валютно-финансовой системы. И наконец, в итоговое коммюнике был включен пункт о взаимном мониторинге макроэкономической ситуации стран G20. Далее были бы логичны разработка и подписание документа по образцу Маастрихтского соглашения, послужившего основой нынешней архитектуры Евросоюза, в котором страны, его подписавшие, берут на себя определенные обязательства (по уровню дефицита бюджета, госдолгу и т.п.), т.е. сначала должны быть разработаны, согласованы и соблюдены ключевые принципы, с тем чтобы далее вести мониторинг их соблюдения. Начало было положено: G20 стала на путь превращения из «кризисной площадки» в постоянный экономический форум, принимающий важнейшие решения мирового уровня (еще в начале кризиса это казалось невозможным). В продолжение «невозможного» на заседании министров финансов G20 в ноябре 2009 г. Великобритания, подтвердив свой статус наиболее радикально настроенного борца за реформирование мировой финансовой системы, заявила устами своего тогдашнего премьера Г. Брауна о необходимости ввести всемирный налог на финансовые операции (США, как и Россия, отнеслись к данному предложению без энтузиазма) [5]. Суть предложения Г. Брауна заключалась в том, что для предотвращения в будущем острых мировых валютно-финансовых кризисов необходимо выработать новые правила игры на финансовом рынке в духе нового социального договора между всеми участниками мировой экономики в целях поступательного движения. Это, кстати, отчасти уже нашло отражение в решениях Базельского комитета по банковскому надзору в области усиления контроля за банковскими операциями [6].

Первым шагом предполагается введение во всем мире налога на финансовые операции. Полученные суммы должны идти в стабилизационный фонд, рассчитанный на поддержку банков в кризисные времена. Такой налог, по мнению Г. Брауна, способен умерить склонность банков и инвестиционных фондов к риску, что сде-

дает все мировое хозяйство более стабильным. Правда, эксперты выражают сомнения в том, что страны G20 в вопросе введения налога на финансовые операции на международном уровне смогут продвинуться дальше деклараций. Смысл же вводить подобный налог есть лишь тогда, когда это будет сделано во всех странах; в противном случае банки неприсоединившихся стран получают конкурентное преимущество, а эти страны станут новыми офшорными зонами. Также остается открытым вопрос о том, как именно в случае введения такого налога должны быть выстроены компенсационные механизмы: если предполагается создание стабилизационного фонда для банков, то получается, что одни банки будут расплачиваться за ошибки других, а это ухудшит конкурентную среду. Словом, через призму традиционных рыночных механизмов, включая не менее традиционные биржевые спекуляции, предложение о введении всемирного налога на финансовые операции, означаящего, на наш взгляд, новый уровень банковской взаимозависимости и взаимофинансирования в условиях кризисов (когда государственное дотирование может быть существенно уменьшено), было вполне закономерно отодвинуто многими странами, в том числе США и Россией. Его поддерживали только министры финансов Франции и Канады. Кроме того, Великобритания в конце 2009 г. уже ввела 50-процентный налог на бонусы руководителям крупнейших финансовых организаций (причем французские власти тут же заявили о намерении последовать ее примеру). По итогам кризисных 2008 и 2009 гг. топ-менеджерам банков и компаний, получивших государственную поддержку, было справедливо предложено вообще отказаться от бонусов, что, мягко говоря, было встречено без энтузиазма. В 2010 году топ-менеджеры заявили об окончании кризиса и о своих претензиях на полную выплату бонусов. Это действительно серьезная проблема всех развитых и даже развивающихся экономик — наличие высоких и сверхвысоких бонусов и «золотых парашютов» у топ-менеджеров, однако до сих пор способа ее решения регуляторы финансового рынка не выработали. При этом наиболее радикально менять систему начисления бонусов настроены только в Европе.

Тем не менее поиск путей и подходов к новой конфигурации мировой валютно-финансовой системы продолжается. При этом не забываются и «старые» способы упрочения валютно-финансового положения стран. Имеется в виду обращение к хорошо известным из времен золотого стандарта формам и механизмам, связанным с усилением ставки на золото в составе государственных золотовалютных резервов. Динамика цен на золото последние десятилетия носила явно выраженный поступательный характер. В конце 2009 г., когда цена одной тройской унции поднялась до рекордной на тот момент отметки в 1110 долл., показывая тенденцию к дальнейшему росту, некоторые эксперты говорили о показателе в 2000 долл. за унцию в 2010 г., другие были более осторожны и ограничивались уровнем в 1100—1150 долл. Пока достигнутый максимум в 1476,4 долл. на Товарной бирже Нью-Йорка (COMEX) был отмечен в первой декаде апреля 2011 г. Рост роли золота демонстрирует выраженную тенденцию, несмотря на заверченный и закрепленный Ямайскими соглашениями процесс демонетизации золота.

Таким образом, и новые, и традиционные подходы к образу и конфигурации будущей валютно-финансовой системы причудливо переплелись, оставаясь при этом крайне многообразными и зачастую внутренне противоречивыми (особенно по части сценариев выхода из мирового финансово-экономического кризиса, например, сценарий Американо). Кризис подтвердил, что глобализация, образование всемирного рынка капиталов и валют, возможность совершения финансовых операций с помощью электронных средств связи в любой точке земного шара в режиме реального времени вносят существенные коррективы в закономерности курсообразования, усиливают общую нестабильность и непредсказуемость современной валютно-финансовой системы. Усилению неопределенности способствует также отрыв валютно-финансовой сферы от реальной экономики, что еще больше затрудняет прогнозирование событий и процессов. МВФ не справляется с уставной ролью стабилизатора международных валютно-финансовых отношений, хотя и был создан для этой цели. Эти тревожные тенденции подтверждаются участвовавшими потрясениями в разных секторах всемирного хозяйства (цепь валютно-финансовых кризисов исхода XX в. в странах ЮВА, Латинской Америки, России; текущий мировой финансово-экономический кризис). Нынешняя стихия в международных экономических отношениях чревата новыми опасными катаклизмами глобального масштаба. Поэтому вполне обоснованна концепция о настоятельной необходимости выработки международных механизмов, позволяющих согласовывать политику государств и региональных объединений в интересах будущей стабильности мирового развития.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Валютные проблемы современного мира. Конференции. Совещания. Семинары // Деньги и кредит. — 2004. — № 9. — С. 66—72.
- [2] *Гусаков Н.П., Белова И.Н., Стренина М.А.* Международные валютно-кредитные отношения. 2-е изд. / Под общ. ред. Н.П. Гусакова. — М.: ИНФРА-М, 2010.
- [3] *Гусаков Н.П., Шкваря Л.В.* Особенности социально-экономического развития стран САБВ на современном этапе // Вестник РУДН. Серия «Экономика». — 2008. — № 1.
- [4] *Андропова И.В.* Современная система международных финансовых организаций // Глобальное экономическое регулирование / Под ред. В.Н. Зуева. — М.: Магистр, 2009.
- [5] *Тютюнник А.В.* Причины кризиса и сценарии выхода из него // Деньги и кредит. — 2009. — № 10. — С. 31—33.
- [6] *Сангур Ж.* Положитесь на себя / Кризис в развитых странах далек от завершения // Эксперт. — № 41 26 октября — 1 ноября 2009 г. — С. 46—48.
- [7] *Ponomarenko E.* Les causes et les conséquences des crises mondiales: un examen de la littérature théorique / La théorie économique moderne et la reformation de l'économie russe. — Moscou-Nice, Economika, 2010.
- [8] Эволюция теорий мировых кризисов и современность // Государственная служба. — 2010. — № 5, 6.

**WORLD FINANCE-ECONOMIC CRISIS:
THE VIEW TO THE PROBLEMS, CONTRADICTIONS
AND PERSPECTIVES OF THE SETTLEMENT**

**M.A. Ignatskaya, N.A. Kulikovskaya,
G.A. Kulikovskaya**

Peoples Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia

Any other modern crisis, that has the global character, becomes exactly at the finance sphere, at the same time this sphere is the most controlled from the national level to the over national regulation mechanisms (the level of IMF). Thus there are the questions about the quality of such regulation and the perspectives of creation of new set of tools and mechanisms of regulation including over national level.

Key words: world finance system, IMF, G20, world currencies, «new» economy, «virtual» economy.